

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

Надо учиться
писать рукой

У замечательного выдумщика — писателя Эдуарда Николаевича Успенского в этом году юбилей. Ему исполняется семьдесят. Создатель любимых всеми героев — крокодила Гены, Чебурашки, обитателей Простоквашина, автор и ведущий популярных передач «Радионяня», «АБВГДейка», «В нашу гавань заходили корабли» по-прежнему в работе и все же нашел время специально для журнала Pen World Russia

— Известно, что у писателей свое, особое отношение к ручкам.

— Я помню еще первые перьевые ручки и чернила-непроливайки, которые мы носили в мешочке. Мы любили кидаться друг в друга чернильницами и коллекционировали перья от ручек. Интересно было взять перо, отломать от него пишущий кончик и сзади расплющить его пассатижами. Это «орудие» мы использовали как дротик. На уроках они летали через весь класс и впивались кому-нибудь в спину или попадали в парту. Иногда больно было!

В своей инженерной и писательской жизни я использовал карандаши и ручки. И, когда работал инженером, как-то на одиннадцатую зарплату купил машинку «Оптим» и много-много лет печатал на ней,

пока не докатился до компьютера... Кстати, в Америке я видел ваш журнал и встречал перьевые ручки за 10 тысяч долларов...

— Бывают и дороже!

— Вот именно. А я коллекционирую пишущие машинки. И среди них встречаются уникальные экземпляры. Одна, например, с резиновым шрифтом, упоминается еще в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона за 1898 год. Ей уже более 150 лет! В свое время она предназначалась для печати рецептов, и в ней одним поворотом ручки латинские буквы менялись на русские. И вот к чему я это рассказываю. В Америке я купил старую немецкую машинку где-то за 150 долларов, а рядом продавалась уникальная, совсем древняя, за сто. Я ее почему-то не купил — тя-

желовато везти машинки из-за границы, да и размер багажа тогда был ограничен. Но та машинка — совершенно уникальное инженерное произведение! В ней тысяча механизмов, все прилажено и отлажено. А есть ручки Parker, особенно времен войны, которые продают по безумным ценам...

— В вас заговорила настоящая зависть коллекционера пишущих машинок...

— Да, мне кажется это несправедливым. Если люди захотят воспроизвести старый Parker, то какой-то умелец его сможет сделать, а воспроизвести старую пишущую машинку весьма трудно. Не сумеешь: нужны чертежи. Поэтому мне и обидно, что цены такие разные.

— У вас трое детей. Чем они учились писать?

— Конечно, надо учиться писать ручкой, потому что монитор и все остальное связано с мозгами и скоростью «соображаловки». Все, что мы называем точной работой: вышивание, рисование, выпиливание лобзиком, — очень полезно для человека. Поэтому ручки тут незаменимый инструмент. К сожалению, почерк у современной молодежи жуткий. В редакцию программы «В нашу гавань заходили корабли» приходит очень много писем. И, как правило, почерк у людей просто

ужасный. Порой весьма обидно, когда какая-нибудь бабушка пишет песню, царапая как курица лапой, и мы, увы, не можем понять, что же там написано — то ли «зеленый змей», то ли «красный май».

— Обычно современным писателям дарят дорогие авторучки. А вам дарили?

— Мне часто дарят такие ручки, особенно в красивых коробках. И Parker, и Caran d'Ache, и Montblanc с золотыми перьями. Но, как правило, они не приживаются: или кому-то передариваешь, или дети утащат. Они же не понимают, что это дорогая вещь. Нужна ручка — схватил и побежал в школу. У нас есть

место на кухне, где всегда стоят четыре ручки, рядом с телефоном, чтобы иногда что-то срочно записать. Но как нихватишься — ни одной! Поэтому я придумал такой фокус... Как-то мне подарили два орлиных пера, и я, не долго думая, воткнул в них стержни от шариковых ручек. Теперь «орлиные» ручки никто не трогает: в карман-то их не положишь!

— **А в вашей коллекции много пишущих машинок?**

— Они занимают один стеллаж на втором этаже. Кстати, недавно я был в Финляндии, и там в магазине оргтехники стояла пишущая машинка за 9 тысяч евро. Я обрадовался, что люди, как и я, начинают ценить эти вещи. Самое обидное случилось со мной совсем недавно. Ко мне домой часто приезжают

телевизионные группы. Через некоторое время я заметил, что у меня одна машинка пропала — в идеальном состоянии, малогабаритная, выпуска 1932 года. Конечно, в суете, когда приезжает телевидение, про все забываешь. Но с тех пор я на втором этаж никого не приглашаю.

— **Обидная потеря... Что еще вы коллекционируете?**

— Птиц. У меня живут четыре попугая, сорока говорящая, сова, сычик. И еще ворон жил, только вот недавно удрал. Я и жена ухаживаем за ними. Еще я собирал книги о Лжедмитрии.

— **Вы могли бы дать совет, как лучше воспитывать детей?**

— Не знаю, честно. В свое время у меня были проблемы со старшей дочерью. Я получал какие-то небольшие деньги за публикации за рубежом, и она требовала, чтобы я покупал ей самую модную одежду. Я же отвечал: «Кругом бедные люди. Если хочешь выделяться, то выделяйся умом, знаниями, а побеждать всех хорошей одеждой — некрасиво». Она была недовольна. Тогда я купил ей материю и говорю: «Шей сама!» Постепенно дочь научилась шить и приходила

в школу в собственноручно пошитой красивой и модной одежде.

— **А как вы воспитывали близнецов?**

— Близнецы жили со мной сначала в Клязьме, потом мы переехали в большой дом под Рузой, опять в деревне. Поэтому у нас все было просто: книги, свежий воздух, собаки. Они вовсе не богемные девочки: знают, как посадить что-нибудь в огороде, много читают, учатся в простой, но очень хорошей деревенской школе. В классе 10–12 учеников, и с каждым учителя занимаются по-настоящему. Во всяком случае, в школу близнецы идут с охотой. Нормальные девчонки.

— **Что сейчас, на ваш взгляд, происходит с детской литературой? Ее выпускается меньше, чем в советские годы?**

— Думаю, если взять старый объем, скажем 80-х годов, и убрать оттуда книги про дедушку Калинина, книги о революции и книги советских классиков, то детскую литера-

туру по тиражам можно сравнить с нынешним периодом. А вот детского кино и телевидения сейчас просто нет. Конечно, что-то планируется... А ведь детские книги

очень хорошо продаются. Литература не умерла — в довольно большом количестве появляются детские журналы. Издатели начинают понимать: если хочешь процветать, надо выращивать своих писателей. Хотя вначале это не очень прибыльно. Во многих странах детское кино, одежда, компьютерные игры, развлекательные центры — серьезный источник дохода. Наши бизнесмены пока этого не поняли, жмутся, не вкладывают деньги. А жаль...

— **Герои ваших книг популярны не один десяток лет. Вы довольны своей судьбой?**

— Считаю, что мне удалось себя реализовать на 25–30 процентов. Ведь мое оптимальное рабочее

время пришлось на большевиков. Создавать что-то, нормально работать не давали, так как я был беспартийным. Если моя программа становилась популярной, в нее тут же старались втиснуть идеологию. Так случилось с «Радионяней» и «АБВГДейкой» — как только они становились популярными, мне тут же начинали мешать работать. Однажды я даже написал письмо в ЦК о том, что в Финляндии я помогал издавать детские журналы, а тут мне не дают никакой работы, и попросил выделить студию или издание.

Потом мне рассказывали, что в связи с моим письмом заседали два отдела ЦК. Тяжелников говорил, что Успенский представляет еврейскую мафию и совершенно неуправляем. Зимянин же отвечал, что все вокруг уезжают, а Успенский хочет работать в СССР. Таким образом, я получил место художественного руководителя телестудии. Ну а если бы я мог тогда развернуться в полную силу...

— **Теперь работается легче?**

— Не сравнить! Свободно пишу то, что хочу, свободно издаюсь, помогаю молодежи.

— **Расскажите, пожалуйста, о созданном вами издательстве «Самовар».**

— Это произошло в начале 90-х, когда только начиналось частное предпринимательство. Помогло военное министерство, выдав часть денег на издание детских книг. Так мы создали СП (совместное предприятие). Я пригласил Остера, Собакина, Усачева. Андрей Усачев написал книгу о правах человека, я — о радиотехнике и грамматике. Тимофей Собакин — о программировании. Я отчетливо понимал: книги, обучающие детей, будут покупаться всегда. С тех пор издательство нормально существует, выпускает книги, но я отошел от этой работы, так как дело это весьма хлопотное.

— **Почему вы стали писать именно для детей?**

— Я был пионервожатым и года два возился с малышами. В классе учились разные дети — и избалованные, и шпана, но общение с ребятами как-то запало в душу. Где бы я ни был, в деревне или в турпоходе, вокруг меня всегда собирались дети. Они, например, подсказывали мне места, где лучше ловится рыба, где

найти янтарь, где откопать патроны. Может быть, это общение и привело меня к детской литературе. Мне вообще нравилась пионерская организация. Сейчас мы с удовольствием вспоминаем костры, праздники, песни, соревнования, День Нептуна. А вот комсомол мне уже не нравился. В нем все насаждалось сверху, и он был сильно заидеологизирован.

— **Вы часто встречаетесь с детьми. Сильно ли они отличаются от детей конца XX века?**

— Мне кажется, дети до семи лет остались прежними, а в возрасте семи — десяти немного изменились: стали более шустрыми, быстро соображающими... Чаше я встречаюсь с детьми из провинции. Там ребята совсем не изменились: лица прекрасные, внимательные. В библиотеках мне говорили, что они по-прежнему читают книги, отлично понимая: чтобы учиться, поступить в институт, нужно много читать и ходить в библиотеку.

— **Интересно, чувствуете ли вы такое же внимание к себе, к своему творчеству, как раньше?**

— Сложный вопрос. В больших городах люди стали меньше читать. Теперь появились компакт-диски, аудиозаписи известных книг. Сам я с удовольствием недавно прослушал в машине «Королеву Марго», которую читал когда-то в детстве. Слушаю рассказы Чехова, Гиляровского. Но книгу ничто не заменит. Человек, читая, представляет ту или иную картину происходящего. И это умение представить происходящее необходимо всем: хирургу, ученому, инженеру, военному. Ведь пассивное восприятие не способствует развитию мышления.

— **Как вы придумываете своих необычных героев, каким образом они появляются на свет?**

— Это надо спрашивать не у меня, а у Господа Бога. Творчество — непредсказуемый процесс. И герои порой приходят совершенно неожиданно. Недавно мне кто-то сказал: «Ты ничего нового не придумываешь, все у тебя старое». Я взял и выдумал нового героя — Жаб Жабыча Сквородкина. И написал о нем три книжки. Последняя называется «Жаб Жабыч метит в президенты». Жаб Жабыч — сильная, мыслящая, размером с автомобиль лягушка. Одновременно она и слабая, и с детьми прекрасно общается.

— **Где вы обычно пишете?**

— Везде! Даже за рулем в машине — там у меня диктофончик лежит. Когда пришло что-то в голову, я тут же и записываю.

— **Где черпаете силы? Все-таки телевидение, радио, творчество отнимают массу энергии.**

— Дети, птицы, природа... Когда у тебя много дел и хотя бы одно из них приносит плоды и удовлетворение, то и силы прибавляются. Недавно мне было грустно, и как раз в этот момент мне подарили сову. Пусть у тебя машина сломалась, сложности с издательством, зато дома ждет сова. Мы ее назвали Глазуньей. Она такая смешная и прелестная.

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.